

ЛЕНИНГРАДСКАЯ ВЯЗЬ

Книга 23

Тайный ход Екатерины

Мурат Карадениз

Мурат Карадениз

Тайный ход Екатерины

«Автор»

2026

Карадениз М.

Тайный ход Екатерины / М. Карадениз — «Автор», 2026

1943 год. Ленинград в блокаде. Лейтенант НКВД Алексей Ухтомский получает спецзадание: проникнуть в оккупированное Царское Село и найти документы, которые немцы не успели вывезти. На теле убитого немецкого офицера он находит старый футляр и записку: «Вход скрыт. Ищи колодец». Под старым колодцем — подземный ход, построенный Кваренги по приказу Екатерины II. В конце — тайная комната, где императрица встречалась с Потёмкиным. Именно там она спрятала письма, способные изменить историю. В наши дни правнучка Ухтомского находит перстень с гравировкой «Е.П. 1786». Она не знает, что это не просто украшение. Она не знает, что за этим перстнем уже охотятся другие. Она знает только одно: она должна войти в подземный ход первой. Иначе правда, которую прятали больше двухсот лет, исчезнет навсегда. Исторический триллер с детективной линией в наши дни. Каждая книга — отдельное расследование. Можно начинать с любой.

© Карадениз М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ДИСКЛЕЙМЕР	5
ПРОЛОГ. «Кровь на пергаменте»	6
ЧАСТЬ I. «ЧЕТЫРЕ ВХОДА»	10
ГЛАВА 1. «Труп у колодца»	10
ГЛАВА 2. «Папка с грифом»	13
ГЛАВА 3. «Приказ императрицы»	16
ГЛАВА 4. «Три туннеля»	18
ГЛАВА 5. «Первое испытание»	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Мурат Карадениз

Тайный ход Екатерины

ДИСКЛЕЙМЕР

«Все персонажи и события являются вымышленными. Любые совпадения с реальными людьми, организациями и событиями случайны. Упоминания реальных организаций используются в художественном контексте и не отражают их реальную деятельность».

ПРОЛОГ. «Кровь на пергаменте»

Время: 17 ноября 1796 года, 23:00

Место: Царское Село, Екатерининский дворец, спальня императрицы

Линия: Флэшбек | Екатерина II

Свечи догорали. Их было двенадцать — по числу апостолов, как любила считать императрица, хотя давно уже не верила ни в апостолов, ни в их учение. Свет дрожал на стенах, выхватывая из темноты позолоту карнизов, тяжёлые складки штофных гардин, лица врачей, застывшие в той особенной почтительности, которая бывает только у постели умирающего монарха. Запах воска смешивался с запахом ладана, который кто-то из фрейлин уже приказал принести, и с тяжёлым, сладковатым дыханием самой императрицы.

Екатерина II лежала на высокой постели, укрытая до подбородка. Ей было шестьдесят семь лет. Она знала, что умрёт до рассвета. Она чувствовала это — не умом, не волей, а тем последним, животным чутьём, которое приходит к человеку на пороге смерти. Сердце билось неровно, прерывисто. В груди хрипело. Врачи говорили об «апоплексическом ударе», но она знала правду: она просто устала. Устала править, устала интриговать, устала быть той, кого боялись и ненавидели пол-Европы.

Единственное, что она не могла оставить после себя, — правду. Не ту, что напишут историки, не ту, что останется в мемуарах её врагов и друзей. А ту, что была спрятана в кожаный футляр, окованный медью, с вытисненным на крышке двуглавым орлом. Там лежали письма — к Потёмкину, к Екатерине Дашковой, к императору Иосифу II, к тем, кому она доверяла свои самые сокровенные мысли. Письма, в которых она писала правду — не ту, что произносила вслух на приёмах и балах, а ту, что выходила из-под её пера только по ночам, когда за окнами Зимнего дворца завывал ветер и никто не слышал её голоса.

Она приподняла руку. Пальцы дрожали, кожа на них стала прозрачной, как пергамент. Она указала на секретер у дальней стены.

— Позови... камердинера.

Голос был слабым, почти шёпотом. Фрейлина, стоявшая у изголовья, вздрогнула, переглянулась с лекарем, но перечить не посмела. Она выскользнула из спальни, и через минуту дверь открылась, пропуская высокого сутулого человека в тёмно-синем кафтане.

Гаврила Семёнович Колычев — старый камердинер, служивший ещё при Петре III. Он помнил Екатерину молодой, помнил её в день переворота, помнил, как она въезжала в Петербург верхом, в гвардейском мундире, с обнажённой шпагой. Теперь она лежала перед ним — седая, исхудавшая, смертельно больная. Он перекрестился.

— Ваше величество, — сказал он, склоняясь над постелью. — Я здесь.

Екатерина открыла глаза. В них ещё теплился тот самый огонь, который когда-то заставлял трепетать вельмож и министров. Она смотрела на Колычева долго, внимательно, словно проверяла: тот ли? достоин ли?

— Гаврила, — сказала она. — Ты помнишь... подземный ход?

Колычев замер. Он знал о ходе — он знал о нём с 1786 года, когда Кваренги впервые показал императрице чертежи. Он знал, что ход был построен тайно, в обход всех служб, и что о нём не знал даже Павел — её сын, её враг, её наследник. Колычев сам носил кирпичи для кладки, когда строители заканчивали тайную комнату. Он видел, как Кваренги собственноручно вставлял в стену потайной замок — тот самый, который открывался только золотым перстнем.

— Помню, ваше величество, — ответил он. Голос его чуть дрогнул.

— Там... тайная комната. За стеной... с тремя слоями кладки. Ты знаешь, как её открыть.

Колычев кивнул. Он знал. Он сам закладывал ту стену двадцать лет назад, когда Екатерина велела ему хранить эту тайну до самой смерти — своей или его.

Екатерина протянула руку к секретеру, но не смогла дотянуться. Колычев подошёл, открыл ящик и достал футляр. Он был старше его самого — окованный медью, с вытисненным орлом, с ржавыми уголками, в которых ещё сохранились следы позолоты. Он поставил футляр на колени императрице.

— Открой, — сказала она.

Колычев открыл крышку. Внутри лежали письма — десятки, сложенные в стопки, перевязанные шёлковыми лентами, пожелтевшие от времени, но ещё не успевшие рассыпаться в прах. Он не читал их никогда. Но он знал, кто их писал и кому они были адресованы. Екатерина — Потёмкину. Потёмкин — Екатерине. Годы переписки, годы любви, годы борьбы за южные рубежи империи. Там была правда — та, что не попала в учебники, та, что не вошла в официальные исторические хроники. Там были признания, от которых покраснела бы любая женщина, и расчёты, от которых побледнел бы любой политик.

А ещё там были письма, которые не предназначались никому. Те, что Екатерина писала после смерти Потёмкина, когда сидела одна в этом же кабинете и проклинала судьбу, забравшую у неё единственного человека, которому она верила по-настоящему. В них она называла вещи своими именами. Называла имена тех, кто предал её, тех, кто плел интриги за её спиной, тех, кто готовил заговоры. Если эти письма станут известны, половина европейских дворов окажется втянутой в скандалы, от которых не оправится ни одна монархия.

— Это не должно попасть в руки врагов, — сказала Екатерина, и голос её окреп, будто она собрала последние силы. — Не Павлу. Не англичанам. Не тем, кто хочет уничтожить всё, что мы построили. Ты знаешь, что я не люблю Павла. Я никогда не любила его. Он слабый, мнительный, он ненавидит меня за то, что я не дала ему власти при жизни. Я боюсь за судьбу империи, если он станет императором. А если он найдёт эти письма... он может уничтожить всё, что я создала.

Колычев замер. Он знал: если эти письма станут известны, они могут уничтожить империю. Европейские дворы, которые Екатерина дурачила годами, узнают правду о её тайных соглашениях с Потёмкиным. Её собственный сын, который ненавидел мать, получит оружие против неё. Англичане, которые уже давно искали любой компромат на Россию, получают то, что искали.

— Я не знаю, кому ещё доверять, — продолжала Екатерина. — Ты служил мне верно тридцать лет. Ты видел всё. Ты знаешь всё. Я прошу тебя только об одном: сохрани этот футляр. Спрячь его так, чтобы никто не нашёл. Никогда. Даже через сто лет.

Екатерина сняла с пальца золотой перстень-печатку с гравировкой «Е.П. 1786» — тот самый, который она носила с того самого дня, как приказала Кваренги начать строительство. На внутренней стороне был выгравирован масонский символ — змея, кусающая свой хвост, Уроборос, знак вечности и возвращения.

— Этот перстень откроет стену в тайной комнате, — сказала она, протягивая его Колычеву. — Без него — стена будет цельной, неотличимой от обычной кладки. Без него — никто не найдёт правду. Без него — правда умрёт вместе со мной. Я доверяю его тебе. Я знаю, ты не предашь.

Колычев взял перстень. Он был холодным, тяжёлым, и на мгновение старому камердинеру показалось, что он держит в руках не просто золото, а судьбу целой династии. Он почувствовал его тяжесть — не физическую, а ту, что ложится на плечи человека, которому доверили слишком много.

— Я сохраню их, ваше величество, — сказал он. — Клянусь.

Екатерина посмотрела на него. В её взгляде была благодарность, но была и угроза. Она знала, что Колычев не предаст. Она слишком долго проверяла его верность. Но она знала и дру-

гое: тайна имеет свойство просачиваться сквозь стены, сквозь время, сквозь людскую молву. Даже самые верные хранители когда-нибудь умирают. Даже самые надёжные тайники когда-нибудь открываются.

— Иди, — сказала она, закрывая глаза. — Забери футляр. Иди в ход. Спрячь его так, чтобы никто не нашёл. И чтобы никто не знал, куда ты его спрятал. Даже я. Даже ты, — она слабо улыбнулась. — Правда должна пережить нас. Даже если мы сами не переживём её. Ты понял меня, Гаврила?

Колычев взял футляр и спрятал его под полу кафтана. Он сделал шаг к двери, но остановился. Он хотел сказать что-то ещё — может быть, попрощаться, может быть, спросить, что делать, если его самого не станет. Но Екатерина уже повернула голову к стене. Она не прощалась. Она никогда не прощалась.

Колычев вышел из спальни. Он держался прямо, хотя ноги дрожали. Он сжал под кафтаном кожаный футляр, ощутив его тяжесть, и прошёл по коридору, где в полумраке догорали свечи. Никто не остановил его — ни охранники, ни фрейлины. Все знали, что камердинер имеет право входить и выходить без доклада. Все знали, что старый Гаврила Семёнович был тенью императрицы, её верным псом, которому она доверяла больше, чем любому министру.

Он шёл быстро, стараясь не смотреть по сторонам. Он знал, что нужно добраться до подвала, где начинался тайный ход. Но у самого выхода из дворца, в небольшой нише у лестницы, он столкнулся с человеком.

Незнакомец стоял неподвижно, прижавшись плечом к колонне. Он был высок, худ, одет в тёмный плащ — до самого пола, с низко надвинутым капюшоном, скрывавшим лицо. Колычев не видел его глаз, но чувствовал — те смотрят на него. Прямо. Сквозь капюшон. Этот взгляд был тяжёлым, пронизывающим, как зимний ветер.

Незнакомец не сказал ни слова. Он лишь кивнул — медленно, едва заметно — и исчез. Просто растворился в темноте, как будто его и не было. Колычев стоял у лестницы, прижимая к груди футляр, и слышал, как колотится его сердце. Он не знал, кто это был. Он не знал, был ли это человек или тень. Он только знал одно: за ним следили. И тот, кто следил, уже знал о тайне. Он знал, что у Колычева есть футляр. И он ждал.

Колычев перекрестился и спустился в подвал. Там он долго вглядывался в темноту, прислушиваясь к шагам за спиной. Шагов не было. Он вошёл в тайный ход и пошёл по нему, считая шаги, пока не дошёл до стены с тремя слоями кладки. Он приложил перстень к потайному камню — тот бесшумно отошёл в сторону. За ним открылась ниша. Колычев поставил туда футляр. Закрыв стену. Нажал на потайной камень ещё раз — кладка встала на место, не оставив ни малейшего следа.

Он стоял в темноте и слышал, как где-то далеко капает вода. Он думал о том, что он только что сделал. О том, что правда, которую Екатерина прятала двадцать лет, теперь лежит в этой стене. И о том, что он, Гаврила Семёнович Колычев, стал её последним хранителем.

Он вышел из хода. Он знал: он умрёт, но правда останется. И когда-нибудь, через много лет, кто-то найдёт её. Кто-то, кто сможет понять, что Екатерина не просто строила империю — она оставила после себя истину, которую никто не мог уничтожить.

Позже он запишет в дневнике:

«15 ноября 1796 года, ночь. Она умерла на рассвете. Я видел её лицо — спокойное, как будто она просто уснула. Но я знал: она унесла с собой не только жизнь. Она унесла правду. А я остался её хранителем. Я спрятал футляр в том месте, которое знаю только я. Никто не найдёт его после моей смерти. Если только...»

Строка обрывалась. Колычев не дописал её — он отложил перо и больше никогда не возвращался к дневнику.

Он умер через три года. За ним пришли — он не знал кто, но догадывался. Он так и не сказал никому, куда спрятал футляр.

Только перстень остался в его семье.

ЧАСТЬ I. «ЧЕТЫРЕ ВХОДА»

ГЛАВА 1. «Труп у колодца»

Время: 12 июля 1943 года, 06:00

Место: Царское Село, Екатерининский парк, колодец

Линия: Блокада | Алексей Ухтомский

Царское Село — ныне город Пушкин — было оккупировано немцами с сентября 1941 года. Почти два года. Два года, пока Ленинград задыхался в кольце блокады, здесь, в двадцати пяти километрах к югу, стояли немецкие гарнизоны, здесь хозяйничала полевая жандармерия, здесь работали штабы, здесь искали ценности, которые не успели вывезти. Екатерининский дворец, жемчужина русской архитектуры, стал казармой и складом. Янтарную комнату немцы демонтировали и вывезли ещё в 1941 году. Но не всё. Что-то осталось. Что-то, что они не нашли. И что-то, что они продолжали искать.

Алексей Ухтомский знал это, когда шёл по парку. Он знал, что каждый куст, каждое дерево может скрывать немецкий патруль. Он знал, что любой шум, любой неверный шаг может стоить жизни всей группе. Но он также знал, что задание, которое ему дали, было важнее страха. Разведгруппа СМЕРШ — пять человек, включая его самого, лейтенанта Ухтомского, — была заброшена в тыл врага с конкретной целью: найти в подвалах Екатерининского дворца документы, которые немцы не успели уничтожить или вывезти. Что именно — ему не сказали. Только: «Важно. Государственной важности». Этого было достаточно.

Он шёл первым, держа автомат наготове, стараясь ступать бесшумно. За ним — ещё четверо. Лето 1943 года пахло гарью. Алексей чувствовал этот запах с той самой минуты, когда их группа пересекла линию фронта и углубилась в оккупированную территорию. Горела трава, горели деревья, горела земля — казалось, сам воздух был пропитан пеплом. Война оставляла после себя не только мёртвых, но и этот вечный, въедливый запах, который невозможно было выветрить ни дождём, ни ветром. Он въедался в одежду, в волосы, в лёгкие. Алексей чувствовал его даже во сне — когда закрывал глаза, ему казалось, что он всё ещё идёт по выжженной земле, вдоль сгоревших деревень, мимо остовов машин и тел, которые никто не успевал убирать.

Екатерининский парк встретил их тишиной. Она была неестественной — даже птицы молчали. Только ветер шуршал в кронах старых лип, которые помнили ещё Екатерину II, помнили парады и фейерверки, помнили, как по этим аллеям прогуливались императоры и их фаворитки. Теперь здесь стояла тишина, нарушаемая лишь далёкими разрывами — где-то на подступах к городу, на Пулковских высотах, советские войска пытались продавить оборону. Но здесь, в глубине парка, было тихо. Слишком тихо.

Алексей остановился. Он поднял руку — группа замерла. Он прислушался. Впереди, в зарослях сирени, что-то было. Он сделал знак — прикрыть. Двое бойцов залегли за деревьями, наводя автоматы в сторону парка. Алексей двинулся вперёд, обходя кусты, и через минуту нашёл его.

Немецкий офицер лежал на спине, раскинув руки, как будто пытался поймать невидимое. Глаза были открыты, устремлены в небо, но в них уже не было жизни. Пуля вошла в затылок и вышла через лоб — профессиональный выстрел, без сомнения. Алексей присел на корточки, осмотрел тело. Форма новенькая, на погонах — знаки различия майора. При нём — пистолет в кобуре, документы, карта. Алексей вытащил документы — фамилия, звание, часть. Потом увидел футляр.

Кожаный, потемневший от времени, с медными уголками. Он лежал в траве рядом с рукой убитого, как будто выпал, когда тот падал. Алексей поднял его — лёгкий, почти невесомый. Открыл. Внутри — пусто. Только небольшой клочок бумаги, свёрнутый в трубочку. Алексей развернул его и прочитал. Немецкий, аккуратный готический шрифт: «*Der Eingang ist versteckt. Suche den Brunnen*» — «Вход скрыт. Ищи колодец».

Он сжал записку в кулаке. Значит, немцы тоже что-то искали. Искали — и не нашли. Или нашли, но не то. Убитый майор явно был не случайным прохожим — офицер с таким званием не гуляет по парку без причины, если только не ищет что-то очень важное. Что-то, ради чего рисковали и с той, и с другой стороны.

Алексей поднял глаза. В двадцати шагах от тела стоял старый колодец — сложенный из дикого камня, с деревянным срубом, который почти сгнил от времени. Вокруг колодца — свежие следы сапог. Не один человек, несколько. Следы вели к колодцу и от него. Следы ног, которые спускались вниз.

Алексей подошёл к колодцу, заглянул внутрь. Темнота. Где-то глубоко внизу блеснула вода. Он повернулся к группе:

— Я спускаюсь. Вы — сверху. Прикрываете. Если через час меня нет — уходите без меня. Ясно?

— Ясно, товарищ лейтенант, — ответил старший группы, коренастый сержант с забинтованной рукой.

Алексей перекинул ногу через край сруба. Камни были скользкими от мха, отсыревшими за ночь. Он начал спускаться, цепляясь за выступы, стараясь не смотреть вниз. Счёт пошёл на метры. Пять, шесть, семь, восемь. Он чувствовал, как воздух становится холоднее, как запах гари сменяется запахом сырости и вековой плесени. Девять метров. Десять.

Он опустил ногу и нащупал дно. Колодец не был сухим — вода доходила до щиколотки, холодная, ледяная, пронизывающая до костей. Алексей постоял несколько секунд, привыкая к температуре, затем поднял голову — вверх, в круг света, показалось лицо сержанта.

— Всё в порядке? — крикнул тот.

— Да, — ответил Алексей. — Здесь что-то есть.

Он повернулся. На уровне груди, в стене колодца, он заметил неровность — кирпичи, уложенные не так, как остальные. Он провёл по ним рукой. Кирпичи держались неплотно, некоторые шатались. Он начал вытаскивать их один за другим, аккуратно, стараясь не обрушить кладку. За ними оказалась пустота — проход, заложенный, но не до конца. Кто-то уже разбирал эту стену до него. Следы свежие — на кирпичях не было пыли.

Алексей просунул голову в проход. Темнота. Никакого света. Но он чувствовал движение воздуха — слабый, едва уловимый сквозняк. Значит, где-то дальше есть выход. Или вход.

Он вернулся к краю колодца, крикнул:

— Здесь проход. Я иду туда. Ждите меня. Если через два часа не вернусь — уходите. Это приказ.

— Товарищ лейтенант... — начал сержант.

— Без обсуждений, — сказал Алексей и полез в проход.

Коридор был узким, почти неудобным — приходилось идти боком, пригибаясь. Стены были сложены из тёсаного камня, какого-то старого, почти чёрного, с выщербинами и трещинами. Алексей достал фонарик, включил его — луч света выхватил из темноты своды, уходящие вглубь.

Он пошёл. Счёт шагов, ровное дыхание, фонарик, выхватывающий из тьмы стены. Через пятьдесят шагов коридор расширился. Ещё через десять — он вышел в небольшой зал. Круглый. Стены в этом зале были ровными, гладкими, сложенными из того же тёсаного камня. На стенах — ниши. И знак.

Алексей подошёл ближе. В центре зала стоял каменный стол — грубо обработанный, но явно не природный. На стенах, вокруг зала, он заметил вырезанные в камне знаки — не русские, не немецкие. Что-то другое. Он поднёс фонарь к одному из них и прочитал — буква «К», заключённая в круг. Он не знал, что это значит, но чувствовал: кто-то оставил этот знак специально. Как подпись. Как указатель.

Он прошёл вдоль стен, осматривая ниши. Все были пусты. Только в одной, самой дальней, на дне лежал маленький предмет — клочок бумаги. Алексей поднял его, развернул. Текст на русском, почерк старый, явно не современный:

«Не тот, кто знает, найдёт. Тот, кто помнит, откроет. Вход — в колодце. Выход — в беседке. Спроси у Кваренги».

Алексей замер. Кваренги? Имя архитектора — он читал о нём в книгах по истории Петербурга. Кваренги строил дворцы в Царском Селе. Кваренги строил Екатерининский дворец. Кваренги строил — подземный ход? Он сжал записку в руке. Всё сходилось. Ход существовал. И кто-то знал о нём — знал столетиями, передавал тайну из поколения в поколение. Немцы тоже знали. Но они нашли только пустой футляр.

Алексей посмотрел в конец коридора — там, в темноте, угадывалось продолжение. Второй туннель, уходящий дальше.

Он сделал шаг. И услышал звук.

Где-то впереди, в глубине хода, раздался шорох. Не капли воды, не сквозняк — шорох шагов. Кто-то был там. Кто-то живой. Немцы? Партизаны? Или кто-то другой — тот, кто оставил эти записки?

Алексей выключил фонарик, прижался к стене. Он слышал, как бьётся его сердце — громко, слишком громко в этой тишине. Шаги стихли. Тишина. Снова шаги — ближе, быстрее. Кто-то бежал к нему.

Алексей сжал автомат. Он стоял в полной темноте, считая секунды до того, как встретится с тем, кто шёл из глубины хода. Он не знал, друг это или враг. Но он знал одно: подземный ход существовал. И он был не пуст.

ГЛАВА 2. «Папка с грифом»

Время: 22 сентября, 10:00

Место: Санкт-Петербург, квартира Анны Ухтомской

Линия: Наши дни | Анна Ухтомская

Сентябрьский дождь барабанил по подоконнику. Анна Ухтомская сидела на полу в своей квартире на Петроградской стороне и разбирала очередную коробку из архива Алексея. Их было много — десятки, сложенные в кладовке, которые она перебирала уже несколько месяцев. Каждый раз, открывая новую коробку, она чувствовала запах времени — смесь старой бумаги, пыли, чернил и чего-то неуловимого, что напоминало ей о прадеде, которого она никогда не знала.

За окном шумел город. Слышен был гул машин, голоса прохожих, где-то далеко завывала сирена скорой помощи. Обычный день в Петербурге, который не знает о войне, о блокаде, о том, что когда-то по этим улицам ходил её прадед с наганом в кармане и искал правду, которую никто не хотел находить. Анна часто думала о нём — о том, каким он был, о чём думал, когда шёл по заснеженному Ленинграду, когда прятал документы в стенах, когда писал письма для неё, ещё не родившейся. Она чувствовала его присутствие в этих бумагах, в этом запахе, в этом холоде, который, казалось, сохранился в архивных папках.

Она вытерла пыль с очередной папки. Кожаный корешок, почти стёртый временем, с трудом читаемая надпись: «Тайный ход. Дело № 47-Т». Она замерла. Тайный ход? Она слышала что-то о подземных ходах Царского Села — легенды, слухи, которые ходили среди историков. Говорили, что Екатерина II приказала построить тайный проход между дворцами. Говорили, что в нём спрятаны сокровища. Говорили, что немцы искали его во время войны. Но чтобы у Алексея было целое дело — это было неожиданно. И это значило, что легенда была правдой.

Она открыла папку. Внутри — пожелтевшие листы, выцветшие чернила, скрепки, прожавевшие до состояния оранжевой пыли. И фотография — Екатерининский дворец, ещё до войны, ещё до того, как немцы превратили его в руины. Анна поднесла фото ближе к свету. На обороте — надпись карандашом, почти неразличимая: «1943. Парк. Колодец». Она перевернула страницу. Протокол осмотра места происшествия, датированный 12 июля 1943 года. Подпись — Алексей Ухтомский. Анна начала читать.

«Группа в составе пяти человек проникла в оккупированное Царское Село с целью изъятия документов из подвалов Екатерининского дворца. В Екатерининском парке у старого колодца обнаружен труп немецкого офицера, убитого выстрелом в спину. При нём — кожаный футляр без содержимого и записка на немецком языке: «Der Eingang ist versteckt. Suche den Brunnen».

Анна перевела взгляд на следующую страницу.

«При осмотре колодца обнаружен боковой проход, заложённый кирпичом. Проход ведёт в подземный коридор, предположительно построенный в конце XVIII века архитектором Кваренги. В конце коридора — круглая комната с каменным столом и знаками на стенах. В одной из ниш обнаружена записка на русском языке: «Не тот, кто знает, найдёт. Тот, кто помнит, откроет. Вход — в колодце. Выход — в беседке. Спроси у Кваренги».

Анна отложила бумаги и перевела дыхание. Кваренги. Она знала это имя — архитектор, построивший половину Царского Села. Но подземный ход? Она никогда не слышала о нём.

Ни в одной книге, ни в одной лекции, ни в одном архивном деле, которое она изучала за годы работы. Историки знали о подземных ходах Петербурга — их было много, их строили при Екатерине, при Павле, при Александре. Но чтобы ход соединял дворцы Царского Села — это было новое.

Она продолжила читать.

«В ходе дальнейшего расследования выяснено, что немецкая разведка (Аненербе) проявляла интерес к подземному ходу с 1939 года. Основной фигурант — доктор Вернер Шульц, искусствовед, член Аненербе. Его задача — найти кожаный футляр с письмами Екатерины II к Потёмкину и карту подземного хода. Футляр был изъят из тайной комнаты в 1943 году. Дальнейшая судьба футляра неизвестна. Расследование продолжается».

Анна перевернула последнюю страницу. Там, на обороте, она увидела приписку Алексея, сделанную чёрными чернилами, уже выцветшими до коричневого:

«Если ты читаешь это — значит, я не успел. Футляр с письмами Екатерины II спрятан в подземном ходе. Найди его. Правда должна жить. Алексей Ухтомский. 1944 год».

Анна сидела на полу, держа в руках папку, и не могла пошевелиться. Она чувствовала, как в груди поднимается что-то тёплое, похожее на волнение, на предчувствие. Она нашла ещё одно дело — ещё одну тайну, которую Алексей пытался раскрыть и не смог. И теперь она должна была закончить то, что он начал.

Она достала телефон. Нажала на контакт Никиты. Гудки — раз, два, три.

— Анна? — голос Никиты звучал сонно. — Ты чего в такую рань?

— Никита, — сказала она, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Я нашла ещё одно дело. Тайный ход в Царском Селе. Письма Екатерины II. Немцы искали их в 1943 году.

Пауза. Никита явно проснулся окончательно.

— Подожди. Ты серьёзно? Тайный ход — это же легенда. Я читал о нём, но никто никогда не находил доказательств.

— У меня есть доказательства. Документы Алексея. Протоколы. Фотографии. Кваренги построил ход в конце XVIII века. Немцы искали его в 1941 и 1943 годах.

— И что в этом ходе?

— Футляр с письмами. И карта. И ключ — перстень, который Алексей спрятал.

Анна замолчала. Она поняла, что сказала это вслух. Она не знала, откуда взялось слово «перстень». В протоколе о нём ничего не было. Но она чувствовала — это правда. Она чувствовала это так же, как чувствовала, что Алексей был здесь, рядом, в этой комнате, в этом запахе старых бумаг, в этом свете, падающем на пожелтевшие страницы.

— Откуда ты знаешь про перстень? — спросил Никита.

— Не знаю, — честно ответила Анна. — Но я знаю, что он есть. Я чувствую это.

— Анна, — сказал Никита тихо. — Ты не спишь уже сутки? Может, тебе отдохнуть?

— Никита, я серьёзно. Я нашла документы. Я нашла письмо Алексея. Он пишет, что футляр спрятан в подземном ходе. И что правда должна жить.

— И что ты собираешься делать?

— Я поеду в Царское Село. Найду этот колодец. Найду этот ход. Найду этот футляр.

— Анна, это опасно. Там сейчас музей, туристы, экскурсии. Ты не сможешь просто так копать под старым колодцем.

— Я найду способ, — сказала она. — Ты со мной?

Никита вздохнул. Она знала этот вздох — он всегда означал, что он согласен. Даже если ему это не нравилось.

- Конечно, с тобой. Когда выезжаем?
- Завтра утром. В девять.
- Буду у тебя в восемь.

Анна положила трубку и снова посмотрела на папку. Она перевернула страницу — и на обороте увидела ещё одну надпись. Почти стёршущаяся, но всё ещё читаемую. Приписка Алексея, сделанная тем же почерком, что и письмо:

«Вход в Смольном. Я оставил ключ».

Она замерла. Ключ? Какой ключ? В протоколе не было ни слова о ключе. Только о перстне, о котором она почему-то знала. Она перечитала фразу несколько раз, пытаясь понять, что имел в виду Алексей. «Вход в Смольном» — значит, второй вход. «Я оставил ключ» — значит, он что-то спрятал. Что-то, что должно было помочь найти футляр. Анна закрыла папку и положила её на стол. Она сидела в тишине, слушая, как за окном шумит дождь, и чувствовала, что её жизнь изменилась в ту самую секунду, когда она открыла эту папку. Тайный ход. Футляр с письмами. Перстень. Всё это было реальным — не легендой, не слухом, не исторической байкой. Это было делом, которое Алексей начал и не закончил. Она должна закончить его.

Она посмотрела в окно. Дождь стихал. Небо начинало светлеть. Где-то за облаками пробивалось солнце. Она взяла телефон и написала Никите: «Завтра в девять. Буду ждать». И выключила свет.

ГЛАВА 3. «Приказ императрицы»

Время: 15 июня 1786 года, 12:00

Место: Царское Село, Екатерининский дворец, кабинет императрицы

Линия: Флэшбек | Екатерина II, Кваренги

Июньское солнце заливало Царское Село золотым светом. За окнами Екатерининского дворца цвели липы, пахло летом, зеленью и свежестью. Где-то в парке пели птицы — императрица слышала их даже сквозь закрытые окна, даже сквозь тяжёлые портьеры, даже сквозь гул собственного голоса, который она привыкла держать ровным и твёрдым. В свои пятьдесят семь лет она была ещё полна сил — не той молодой силой, что была в день переворота, а силой зрелой женщины, которая привыкла править, привыкла приказывать, привыкла, чтобы её слово было законом.

Она сидела за массивным письменным столом, покрытым зелёным сукном, на котором лежали бумаги, планы, чертежи. Перед ней стоял человек — невысокий, сутулый, с живыми глазами и быстрыми, точными движениями рук. Джакомо Кваренги, архитектор, итальянец, который уже построил в России больше, чем любой другой зодчий за последние полвека. Он стоял неподвижно, как статуя, но в его глазах читалось напряжение. Императрица редко вызывала его для частных разговоров. Сегодня он чувствовал: что-то будет.

Екатерина подняла на него взгляд. Она смотрела долго, внимательно, словно оценивая его способность хранить тайну. Кваренги знал её характер — она не прощала болтливости. Если она говорила «секретно», это означало: либо ты молчишь до гроба, либо не доживаешь до утра.

— Джакомо, — сказала она наконец. — Я хочу, чтобы ты построил для меня кое-что.

— Ваше величество, — ответил он, склоняя голову. — Я к вашим услугам.

Она поднялась из-за стола и подошла к окну. За стеклом сиял парк, аллеи, фонтаны, беседки. Всё это было её творением — её империя в миниатюре, её маленький рай, где она могла быть не императрицей, а просто женщиной, гуляющей по аллеям среди цветов и статуй.

— Ты знаешь, что рядом с моим дворцом строится Александровский дворец? Для моего внука Александра, — сказала она, не оборачиваясь.

— Да, ваше величество. Я знаю этот проект.

— Я хочу, чтобы между моим дворцом и Александровским был построен подземный ход.

Кваренги замер. Он слышал о подземных ходах — их строили в древности, в средневековье, их строили в Европе для королей и пап. Но в России? При Екатерине? Он не знал, что ответить.

— Ваше величество, — начал он осторожно. — Подземный ход — это сложное инженерное сооружение. Он требует времени, средств и... тайны.

— Именно. Тайны, — сказала Екатерина, поворачиваясь к нему. — Никто не должен знать о нём. Никто, кроме тебя и меня. Ни Павел, ни графы, ни министры. Даже архитекторы, которые будут работать над ходом, не должны знать, для чего он. Ты понял меня, Джакомо?

Кваренги кивнул. Он понял. Она не просто хотела построить ход. Она хотела построить то, о чём никто не будет знать. То, что будет существовать только для неё. То, что она сможет использовать, когда сочтёт нужным. Он уже догадывался, для чего — для встреч с теми, кому она доверяла. Для тайных переговоров. Для секретной переписки. Для того, что нельзя было делать на виду у всех.

— Ход должен начинаться в подвале моего дворца, — продолжала она. — И заканчиваться в подвале Александровского. Он должен быть скрыт от глаз. В конце хода я хочу круг-

лую комнату — там я буду встречаться с теми, кому доверяю. И там я спрячу то, что должно пережить меня.

Она помолчала. Кваренги ждал. Он знал, что императрица не любит повторять дважды.

— Ты сделаешь это для меня, Джакомо, — сказала она. — Я заплачу тебе столько, сколько ты захочешь. Но ты никогда, слышишь, никогда не расскажешь о том, что строил этот ход. Никому. Даже твоей семье. Даже на смертном одре. Ты понял меня?

— Я понял, ваше величество.

Екатерина подошла к столу и сняла с пальца золотой перстень-печатку с гравировкой «Е.П. 1786». Она протянула его Кваренги.

— Этот перстень будет ключом к тайной комнате. Тыстроишь в стену механизм, который открывается только этим перстнем. Без него — стена будет цельной. Никто не сможет войти. Никто не сможет узнать.

Кваренги взял перстень. Он был холодным, тяжёлым, с изящной гравировкой. Он почувствовал его вес — не физический, а тот, что ложится на плечи человека, которому доверяют слишком много.

— Я сделаю это, ваше величество, — сказал он.

Екатерина снова подошла к окну. Она смотрела на парк, на деревья, которые ещё не знали, что под ними будет проложен тайный путь. Она думала о Потёмкине, о тех письмах, которые он писал ей из южных походов. Она думала о правде, которую не хотела оставлять после себя. Она думала о том, что однажды кто-то найдёт этот ход, найдёт эту комнату, найдёт эти письма. И тогда правда, которую она прятала, станет известна.

Но это будет позже. Сейчас она должна была думать о будущем — о том, что она оставит после себя, о том, что переживёт её.

— Начинай работу через неделю, — сказала она. — У тебя есть год. Никаких планов, никаких чертежей, ничего, что могло бы попасть в руки посторонних. Всё будет в твоей голове. Ты запомнишь каждый камень, каждый кирпич, каждый метр этого хода. Ты умрёшь с этой тайной, Джакомо. Или я позабочусь, чтобы ты умер раньше.

Кваренги сглотнул. Он знал, что она не шутит. Екатерина не шутила никогда.

— Я сделаю это, ваше величество, — повторил он.

Екатерина посмотрела на него долгим, тяжёлым взглядом. Потом улыбнулась — той улыбкой, которая не обещала ничего хорошего.

— Хорошо, Джакомо. Ты свободен.

Кваренги вышел из кабинета. Он держался прямо, хотя ноги дрожали. Он сжал в руке перстень, чувствуя его холод и тяжесть. Он знал, что отныне его жизнь будет принадлежать не только архитектуре. Она будет принадлежать тайне.

Дверь за ним закрылась. Екатерина осталась одна. Она стояла у окна и смотрела на парк, где через год начнутся тайные работы. Она думала о том, что когда-нибудь кто-то найдёт её ход, найдёт её комнату, найдёт её письма. И тогда правда, которую она прятала, станет известна.

ГЛАВА 4. «Три туннеля»

Время: 12 июля 1943 года, 09:00

Место: Царское Село, подземный ход

Линия: Блокада | Алексей Ухтомский

Тишина под землёй была гуще, чем на поверхности. Здесь не было слышно ни взрывов, ни самолётов, ни голосов — только ровный шум воды, капающей где-то в глубине, и собственное дыхание, которое казалось слишком громким в этом каменном мешке. Алексей стоял у входа в подземный ход, держа в руке фонарь, и смотрел на стены, уходящие в темноту.

Он чувствовал холод, который поднимался из глубины, — не тот холод, что бывает в погребе или в подвале, а что-то другое, древнее, как будто сама земля дышала здесь столетиями и не собиралась никого впускать в свои недра. Он вспомнил, что читал о подземных ходах Петербурга — их строили при Екатерине, при Павле, при Александре. Некоторые из них были замурованы, некоторые забыты, некоторые до сих пор ждали своего часа. Теперь он стоял перед одним из них.

— Идём, — сказал он, обернувшись к разведчикам. — Держитесь ближе. И не стреляйте без команды.

Четверо бойцов, молчаливые, настороженные, последовали за ним. Они спустились вниз по каменным ступеням — стёртым, почти гладким от времени. Вода сочилась по стенам, оставляя тёмные разводы на сером камне. Запах сырости смешивался с запахом плесени и старого известняка. Алексей провёл рукой по стене — она была холодной, шершавой, покрытой мхом, который рос здесь, не видя солнечного света уже больше ста лет.

Он поднял фонарь выше и увидел знак.

На стене, на высоте человеческого роста, была вырезана буква. Не русская, не немецкая. Что-то другое. Он подошёл ближе, провёл пальцами по углублениям — и узнал. Буква «К», заключённая в круг. Он видел её раньше, в прологе, когда читал о Кваренги. Это была его подпись, его печать, его знак, оставленный на века. Кваренги хотел, чтобы кто-то знал: это его работа. Кваренги хотел, чтобы его имя не было забыто.

— Что это? — спросил сержант, подходя ближе.

— Подпись архитектора, — ответил Алексей. — Кваренги. Он строил этот ход. Он хотел, чтобы мы знали, кто его создатель.

Сержант хмыкнул, но ничего не сказал. Он не понимал, зачем архитектору оставлять подписи в подземелье, которое никто не должен был видеть. Но он знал: если лейтенант говорит, значит, так надо.

— Идём дальше, — сказал Алексей.

Коридор шёл прямо, потом свернул влево, потом снова вправо. Стены были сложены из тёсаного камня — ровные, плотные, без зазоров. Алексей заметил, что на некоторых камнях есть следы инструментов — стамески, тёски, как будто работа велась в спешке. Может быть, Кваренги строил ход тайно, ночью, чтобы никто не видел. Может быть, он не хотел, чтобы его застали за работой, которую императрица приказала держать в секрете.

Через сто шагов коридор расширился. Алексей оказался в небольшом зале — круглом, с куполообразным сводом, который уходил вверх, теряясь в темноте. Он поднял фонарь, но не увидел потолка. Только тени, пляшущие на стенах, и холод, который становился всё сильнее.

— Здесь развилка, — сказал он, указывая на три туннеля, расходящихся из зала. — Один ведёт влево, один вправо, один прямо.

— И куда? — спросил сержант.

Алексей задумался. Он вспомнил записку, которую нашёл у убитого немца: «Der Eingang ist versteckt. Suche den Brunnen» — «Вход скрыт. Ищи колодец». Он вошёл через колодец. Теперь он должен был понять, какой из трёх туннелей ведёт дальше.

Он подошёл к каждому из них, прислушался. Из левого туннеля шёл слабый сквозняк — едва уловимый, но ощутимый. Из правого — тишина, глухая, как в могиле. Из среднего — звук воды, капающей с потолка.

— Идём налево, — сказал Алексей. — Там есть воздух. Значит, там есть выход.

Он вошёл в левый туннель. Бойцы последовали за ним. Коридор был уже предыдущего — приходилось идти боком, прижимаясь к холодной стене. Алексей чувствовал, как мокрый камень касается его плеча, как сырость проникает под одежду. Он сжал автомат и пошёл вперёд, считая шаги, пытаясь не думать о том, что они могли заблудиться в этом лабиринте.

Через минуту он услышал шаги.

Они шли где-то позади, в темноте — ровные, уверенные, не похожие на шаги его бойцов. Алексей остановился, поднял руку. Группа замерла. Он повернул голову, прислушиваясь. Шаги стихли. Тишина. Он хотел было продолжить путь, как снова услышал — шаги, теперь ближе, быстрее.

— Слышите? — спросил он шёпотом.

Бойцы замерли. Они тоже слышали. Кто-то шёл за ними по коридору. Кто-то, кто не был с ними. Немец? Партизан? Или тот, кто оставил записку в тайной комнате?

— Кто там? — крикнул Алексей в темноту. Голос прозвучал глухо, отдаваясь эхом от стен.

Ответа не было. Только шаги, которые внезапно остановились. Тишина. Алексей сжал автомат и сделал шаг назад, к бойцам.

— Мы не одни, — сказал он. — Кто-то идёт за нами. Возможно, с самого входа.

— Что будем делать? — спросил сержант.

— Идём дальше. Если они хотели напасть — уже напали бы. Они ждут. Они хотят посмотреть, куда мы идём. Значит, мы идём правильно.

Он повернулся и продолжил путь, но теперь он шёл быстрее, чувствуя на себе чей-то взгляд из темноты. Он знал: кто-то наблюдал за ними, кто-то шёл по их следу, кто-то знал, куда они направляются. И этот кто-то ждал.

Алексей пошёл дальше, не оглядываясь.

ГЛАВА 5. «Первое испытание»

Время:1

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.